

СЕРГЕЙ ЧЕ

ОЛИВЬЕ

РАССКАЗЪ О ТАЙНЫХЪ
ГАСТРОМИЧЕСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ

Сергей Че
Оливье

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Че С.

Оливье / С. Че — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Много лет воюют между собой тайные гастрономические общества, пытаясь урвать друг у друга крупички сокровенного Знания. И не догадываются о том, чем эта борьба может закончиться.

© Че С., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

ОЛИВЬЕ

Много есть свидетельств о последнем ингредиенте. Но, будучи прямым потомком Федора Кольбе, архитектора и посвященного второй генерации, я давно понял, что рецептура не ограничивается перечнем продуктов. И что только неукоснительное соблюдение всех условий, закона и его духа поможет добиться цели. Знать бы еще эти условия.

– Вроде очнулся, вашбродь, – говорит Потап, приподнимая голову алхимика за окровавленные волосы.

Потап любит все эти вашбродь, кушать подано да чего изволите-с. Настоящий лакей. Только ливреи не хватает. Вместо ливреи на нем протертые джинсы в обтяжку и длинный свитшот, подпоясанный красным кушаком. Потапу двадцать пять лет. Он из новых. С его ушей свисают белые сопли наушников, и какие-то гнусавые голоса нашептывают русский рэп.

Алхимик дергается, лупая мутными глазами. Бороденка его торчит в разные стороны ключьями, хотя совсем недавно была словно из барбершопа.

– Водицы прибавь, – лениво роняю я.

Потап берет ведро и с размаху плещет в рожу пленного. Тот фыркает. Взгляд становится осмысленным.

– Итак, господин Эмерсон. Остановились мы с вами на том, что вы не знаете, куда делась книга, и даже не знаете о ее существовании. Позвольте в очередной раз вам не поверить...

Господин Эмерсон дергается вперед, железный стул скрипит по бетону.

– Ви сумасшедший! Псих! Я не знаю ни про какие книги! Я ничего не знаю про ваш идиотский оливье! Я дипломат! У меня неприкосновенность! У вас будет большой проблем с вашей властью!

– Нашая власть с нами проблем не имеет. Она не трогает нас, мы не трогаем ее.

Я достаю конверт, выкладываю на стол фотографии. Стол забрызган водой и некоторые карточки покрываются мокрыми пятнами.

– Вот, – говорю. – господин Эмерсон на выходе из архива. Вот господин Эмерсон рядом с аэропортом, несет кейс. Замечательный, кстати, кейс. Десять уровней защиты, фирма «Бломб энд Даунинг», пятимиллиметровая пуленепробиваемая броня. Тяжело, наверно, было. А вот господин Эмерсон в трактире «Красная матрешка». Говорите, ничего не знаете про наш идиотский оливье? А что это за блюдо на столе перед вами? А кто сидит напротив господина Эмерсона? О, да это сам Кристофер Лагас, шеф-повар небольшой кучки нью-йоркских ресторанов. Удивительно.

Алхимик смотрит на фотографии, глаза бегают, борода дергается, словно от кома застрявшей во рту жвачки. Американцы при стрессе всегда так. Национальный рефлекс. Наконец, он поднимает голову и смотрит на меня.

– Что вы мне показывать? Я дипломат, я перевозить посольский документ. Кейс есть обязательное условие перевоза через границу! Я налаживать бизнес с вашей страной. Мистер Лагас приехал бизнес визит и хочет попробовать аутентик специалитет. Официант посоветовал нам это... Это заливное жирный майонез кубик овощ крошево. Если это есть ваш оливье, то вам мои соболезнования!

Я делаю еле заметный знак указательным пальцем, и Потап бьет господина Эмерсона кулаком в скулу. Тот хрюкает и замолкает. Я наклоняюсь вперед.

– Мистер Лагас командор вашего ордена и с недавних пор основной резидент на территории Российской Федерации. То, что вы общаетесь с ним, поедая наше оливье, лучше всего прочего говорит о том, что он не только шеф-повар. А вы не только дипломат.

Ядвигаю к нему две оставшиеся фотографии.

– Вот это мои любимые. Господин Эмерсон в Цюрихе, выходит из дома фрау Мариус. Обратите внимание, кейс в руках господина Эмерсона такой же, что и в Шереметьево. Посольские документы говорите? А вот вы уже на следующий день в Москве. Узнаете дом? Этот обго-

рельный особняк? Что вы делали по адресу Неглинная, 29, в бывшем здании ресторана «Эрмитаж»? И что вы делали в Цюрихе, на Шофельгассе, 5, где проживает старушка фрау Мариус, единственный потомок первого распорядителя одного ресторана?

Алхимик смотрит на меня с ненавистью. Он явно не ожидал, что мы доберемся до Цюриха. Пора с ним заканчивать.

Потап рывком поднимает ему голову, всаживает небольшой шприц в основание шеи. У Потапа точные, экономные движения, как у робота, любо посмотреть.

Алхимик дергается, выпучив глаза. Я терпеливо дожидаюсь, когда расширятся зрачки.

– А теперь будьте внимательнее, господин Эмерсон, – говорю вкрадчиво. – Я покажу вам еще шесть фотографий. Смотрите не отвлекаясь, смотрите прямо в центр.

В отличие от предыдущих, эти снимки квадратные и закатаны в толстый пластик для сохранности. Строго говоря, это не совсем снимки. Я медленно протягиваю первую карточку, держу ее буквально перед его носом, смотрю на реакцию. Ничего. Вторую. Реакция в пределах погрешности. Третью. Ничего. Странно, я как раз на нее рассчитывал. Четвертую. Веки господина Эмерсона, алхимика и дипломата, дергаются, зрачки на мгновение уходят в сторону.

Я убираю лишние снимки в карман, смотрю на оставшийся. Удивительно. Потом коротко киваю Потапу.

Стены в нашей конспиративной квартире укрыты двойным слоем шумоизоляции, на окнах бархатные шторы, даже в вентиляции стоят звукоулавливающие мембраны. Но и этого может оказаться недостаточно. Я перестраховщик.

Глушитель негромко чавкает, господин Эмерсон валится на пол вместе со стулом. Крови совсем немного, даже от ударов было больше.

Потап деловито прячет «ругер» за пазуху, вопросительно смотрит на меня в ожидании распоряжений. Я встаю.

– Пока свободен. Только приberi тут. И язык не забудь.

Потап приседает на корточки перед трупом и достает нож.

***

Есть десятки рецептов, но только три из них канонические, и горе тому, кто обращает внимание на апокрифы. Первый, ветхий – с рябчиками и раковыми шейками. Вторым, новым – с колбасой и горошком. И третий, который даже не рецепт, а новомодное руководство к украшательству подачи. Все эти ломтики красной рыбы, гренки и даже чипсы. Все посвященные презируют третий канон, но вкушать приходится именно его, ибо уже нет ресторанов, верных традиции. И мало поваров в наших рядах. В сущности, поваров среди нас вообще нет. Среди алхимиков, на западе, есть, но на то они и еретики.

Вечерняя пурга загнала меня в незнакомое заведение. Здесь почти пусто, столики отделены ширмами, а за окном валит снег, горят гирлянды и медленно текут красные огни автомобилей.

Я не глядя отдаю меню официантке.

– Оливье, будьте добры.

И через десять минут с отвращением смотрю на бледно-оранжевые кубики вареной моркови. Проклятое наследие голодной перестройки. Я едва успеваю занести никчемную едальню в черный список, чтобы ребята из группы контроля вплотную позанимались ее поваром. Звонит телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.